

Геннадий ГЛАДКОВ: ВО ВРЕМЯ БОМБЕЖЕК МЕНЯ ПРЯТАЛИ В МЕШОК

Евгения ЗАБОЛОТСКИХ

■ Он написал музыку к фильмам «Джентльмены удачи», «Человек с бульвара Капуцинов» и, конечно, к мульту «Бременские музыканты». В легких, но в то же время глубоких мелодиях можно услышать все, даже эхо войны. В 84 года он помнит ее, как вчера. О том, как менял осколки снарядов на хлебные талоны, почему деньги потеряли смысл и о первом Параде Победы народный артист рассказал «СВ».

«СЕРДЦЕ ПРОСИТ МУЗЫКИ ВДВОЙНЕ»

- Геннадий Игоревич, как узнали о том, что началась война?

- 22 июня об этом объявили по радио. Мне было шесть лет, но я все удивительно хорошо помню. Мы собрались всей семьей, потому что не знали, какие еще события произойдут... Вскоре немцы начали бомбить Москву. После очередной атаки мы

отправились к бабушке с дедушкой. Подходим и видим страшную, напуганную

кинокадр, картину: под ногами валяются маленькие розовые тела. Оказывается, бомба попала в кукольную фабрику. И повсюду разлетались головки и тельца из пластмассы и ткани. Их делали отдельно, а потом соединяли. Людей тогда не задело. И, слава богу, дом бабушки с дедушкой выдержал бомбежку. Он давно уже покосился на левый бок, поэтому стоял на подпорках, но не рухнул.

- Ваши родственники прятались в бомбоубежище?

- Да, мы бежали туда, как только сирены оповещали

о немецких самолетах. Бомбоубежище находилось в подвале редакции английской газеты Moscow News. Родители всегда надевали на меня сумку, на которой были написаны их имена-отчества, мои имя-фамилия и адрес. На тот случай, если меня будут откапывать. В этот же мешок клали большой запас сухарей. И мы сидели в бомбоубежище и ждали, когда будет отбой, чтобы идти в квартиры. Сумку, когда перестали бомбить, я хорошо использовал. Собирали осколки снарядов, которыми зенитчики били по немецким самолетам, и сдавал в пункт сбора металлолома. Получал талоны на хлеб или еще какую-то продукцию и вносил вклад в бюджет нашей семьи.

- Родители чем занимались в военное время?

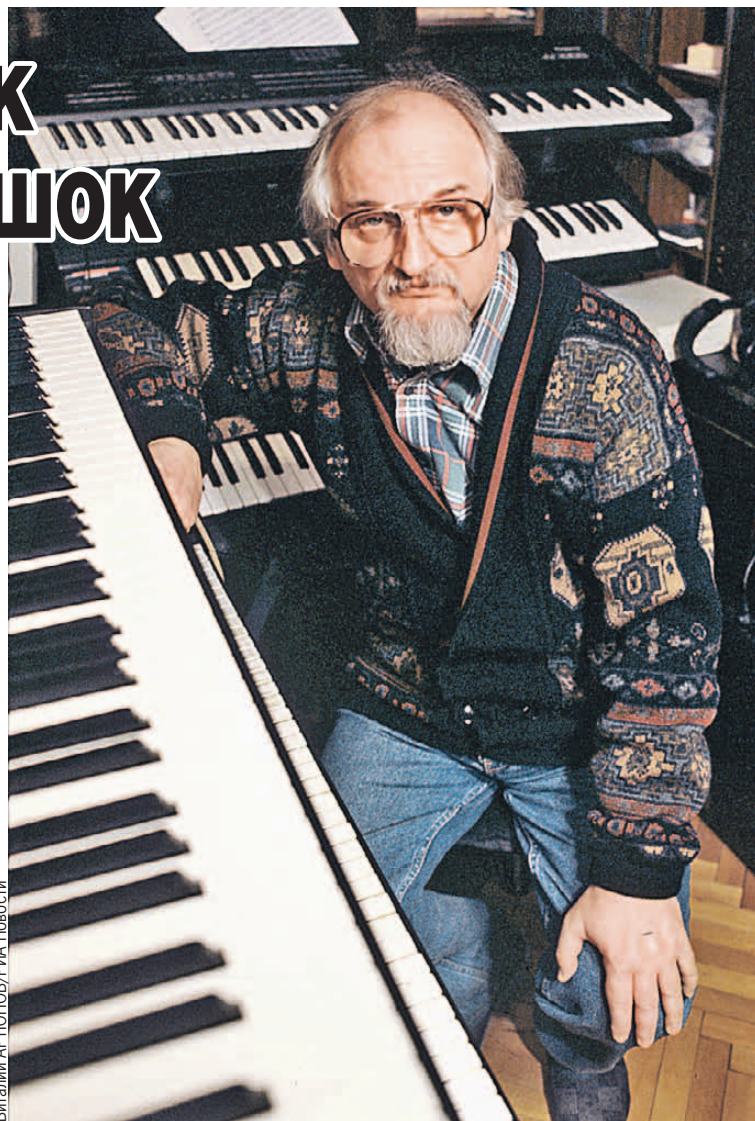
- Отец и дед были музыкантами и работали во фронтовых бригадах. Всю войну выступали для уставших после боев солдат. Кто-то сказал, что там нужно бросить петь, но мы знали, что «на войне

сердце просит музыки вдвойне». Помните эту фразу из фильма «В бой идут одни старики»?

Мы боялись, как бы отец и дед не попали в какую-нибудь заваруху, но, слава богу, остались живы и вернулись. Мама с утра до вечера работала на заводе. Делала патроны и прочее. В свободное время она и бабушка шили простыни, подушки и одеяла для госпиталей.

- Вы им помогали?

- Я тоже не бездельничал. Писал наклейки для пузырьков. На всю жизнь запомнил: йод, марганец и стрептоцид. Писал красивым почерком. Чернилами. И приклеивал к склянкам. И еще брал ре-

Если бы не бомбоубежище, мы могли бы не узнать о том, что «ничего на свете лучше нету, чем бродить друзьям по белу свету».

зиновый шнур от аппарата, типа хлебoreзки, и разрезал его на маленькие резиновые трубочки. И затыкал ими пузырьки. А затем мы отправляли их в медпункты.

ПО БЕЛОРУССКОЙ ДОРОГЕ - К РУСЛАНОВОЙ

- Страшно, наверное, вам, ребенку, было оставаться дома без родителей в то время, когда в любую минуту могли начать бомбить?

- Когда мама уходила, я оставался один, и было страшно. Радио работало постоянно. Такой черненький репродуктор. Он был у всех. Передавали замечательную музыку Мусоргского «Ночь на Лысой горе». Симфонический оркестр ее играл. Я любил эту вещь и в то же время ужасно ее боялся. Залезал на

кровать, накрывался одеялом с головой и ждал, когда придет мама. Ну а вечером, когда она возвращалась, бежал в театр. Напротив нашего дома был филиал МХАТа - бывший дореволюционный театр Корша (теперь там Театр Наций). Взрослые вечером боялись туда ходить, и нас, мальчишек, чтобы зал не пустовал, пропускали бесплатно. Всю войну туда бегали. Просмотрел по несколько раз все спектакли МХАТа. Нравился Михаил Яшин в «Школе злодея». Такое художественное воспитание принесло мне большую пользу.

- Кстати, про артистов. Ваш дедушка работал с Лидией Руслановой. Как с ней познакомился?

- Да, он был знаменитый гармонист и аккомпанировал Лидии Андреевне. Однажды

она попросила, чтобы своих внуков, в том числе меня, он отвез к ней на дачу на станции Полушкино по белорусской дороге. Это был дом мужа Руслановой - генерала Крюкова, который командовал корпусом на Первом Белорусском фронте. И я жил там некоторое время. Русланову видел иногда. Не слишком с ней общался. У нас в семье к ней относились с напряжением. Она была очень суровой и властной русской женщиной. Зато дед ее обожал. Был абсолютно ей предан. Все для нее делал. И забытые русские народные песни выискивал, и стихи писал. И потом, когда Русланову арестовали, дед тоже пострадал из-за того, что был ее аккомпаниатором. Его, правда, недалеко услили. На поселение в Казахстан где-то на полгода.

- Почему терпели бомбежки и не уезжали?

- В том же 41-м нас, конечно, эвакуировали. Уехали в глухую подмосковную деревню, откуда родом была моя нянечка. И я там немножко работал. Надо было доставать продукты. Нам, москвичам, в деревне ничего не продавали за деньги. Они вдруг перестали иметь ценность. Купить что-то можно было только за вещи. Но и они стали кончаться. Мы задумались, как быть дальше. А я был большой мастер по сбору грибов. Умел залезать под елки и находить там белые-красавцы. Их было вдоволь. Все тогда вспоминали эту распространенную примету: если грибов много, будет война.

ПЛЕННЫМ НЕМЦАМ СОВАЛИ ХЛЕБ

Не хотелось бы, чтобы она работала. Но тогда именно так и вышло. Потом еще сено убирал, участвовал во всех сельскохозяйственных работах. Там же, в деревне, научился ездить на лошади. Сначала было высоко и страшно.

- Сколько там пробыли?

- Долго мы не выдержали. Стремись домой. Когда вернулись, были выбиты стекла, потому что в типографию, расположенную недалеко от нашего дома, упала бомба. В квартире стоял ужасный холод. Пришлось вставлять и заклеивать стекла. А еще нужно было соблюдать режим темноты,

чтобы не видели освещенные окна.

- Когда война закончилась, пленных немцев видели?

- Да, было сильное впечатление. Их гнали через всю Москву. Мы, мальчишки, пошли посмотреть. Стояли на углу площади Маяковского (теперь она Триумфальная). Вначале шли генералы и офицеры. Такие противные. Мы кричали, плевались в них издали, как могли. А потом появились солдаты. Несчастные, замученные, худые. И русские люди, такие добрые - вот ведь национальная черта - совали им хлеб. Жалели очень.

- На Параде Победы побывали?

- Туда было очень трудно попасть, но моим родственникам, которые имели связи, удалось достать билеты. Все происходило так, как сейчас. Разница только в том, что тогда ездили на лошадях, а теперь - на автомобилях. Рокоссовский руководил парадом, а принимал его Жуков. Оба были верхом. Красиво ехали друг за другом. И, когда проезжали, «Ура!» кричали солдаты, а следом - и все люди. Победа - такое счастье! А потом устроили салют. И запустили огромный воздушный шар. К нему был привязан портрет Сталина, и, пока он парил в небе, его освещали прожектора. А кругом раздавались взрывы. Но уже не боевые. Было очень здорово!

SOUZVECHE.RU
ВОСПОМИНАНИЯ РОССИЙСКИХ
И БЕЛОРУССКИХ ЗВЕЗД О ВОЙНЕ
ЧИТАЙТЕ НА НАШЕМ САЙТЕ